

ИНТЕРВЬЮ

ЕЛЕНА
ДЖАМБЕР
Вашингтон

Нашим читателям хорошо известна московский автор Анята Евсеева. На ее повесть «Шум города», опубликованную недавно в нашем журнале, мы получили многочисленные отклики. Ее рассказ «Препевающий Макс», вызвал не менее живой интерес. Сегодня Анята Евсеева в гостях у нашего журнала.

— Этим летом в Москве в Центральном Доме Журналистов состоялась презентация вашей книги «Шум города». Кто поддержал вас и помог издать этот сборник?

— Я около трех лет пишу для журнала «LOOK», это известный бренд, который теперь выходит в Таллинне. Его издатель и владелец журнала Рене Кирепу выступил в качестве спонсора и издал мой сборник рассказов. Рене — странный человек, наполовину француз, на четверть эстонец, на четверть русский. У него шикарные апартаменты на Елисейских полях в Париже, но он предпочитает жить в Таллинне, потому что очень любит этот город. Ему принадлежит идея: выпустить «Шум города» тиражом в пять тысяч экземпляров. И он не ошибся, весь тираж уже почти разошелся. Для маленькой Эстонии это серьезный показатель.

— И, все-таки, большей частью Вы публикуетесь на Западе. Что так трудно сегодня очаровать российских читателей?

— Читатель тут совершенно ни при чем. Я получаю очень много почты именно от родного русского читателя. Стоит опубликовать в интернете свой рассказ, как приходят письма, причем, пачками. В России нет сегодня литературных журналов, их нет в продаже. Они издаются «сами для себя», а таким, как я предлагают публиковаться на коммерческой основе, то есть я

Свой автор

Интервью с Анятой Евсеевой

должна заплатить за публикацию, которую никто и никогда не увидит.

Издатели предпочитают издавать мыльные оперы, сериалы. Я не пишу по любовному или детективному роману в день.

Западные издания — ваш журнал, или «Русская мысль» в Париже, в этом смысле несколько лояльнее. И требования у них отнюдь не заниженные, как думают в некоторых кругах. Я бы сказала, они намного избирательнее, и

этот отбор выдерживали лучшие. Ну, а примеров тому великое множество. Россия всегда отличалась талантами.

Нельзя сказать, что я печатаюсь исключительно на Западе. В России у меня более двухсот публикаций в разных изданиях, три книги. Первые рассказы были опубликованы ещё в начале восьмидесятых в знаменитой «Литературной газете». Виктор Веселовский — заведующий отделом сатиры и юмора, автор телепередачи «Вокруг смеха», организовал специально для меня рубрику «Дебют», поскольку в «Литературку» просто так не пропускали, это всегда было клановое издание. Так «Литературка» стала для меня пропуском в другие издания — «Крокодил», «Огонёк», «Студенческий меридиан»...

— Тем не менее, первым признал вас Альманах далеко с нерусским названием?

— Да, это так. Как раз на презентации книги мне и был вручен Диплом

калифорнийского альманаха «Port-Folio». Русскоязычные читатели Альманаха признали повесть «Шум города» лучшим литературным произведением 2003 года.

— Может быть, Вы боитесь конкуренции с теми писателями, кто уже успешен в России?

— В литературе не может быть конкуренции. А если возникла, значит, это уже бизнес, книга стала коммерческим проектом, а это означает, что она перестала быть литературой. Я очень хорошо знаю своего читателя и чувствую, что ему интересно.

— Если так, то для какой социальной группы Вы пишете?

— Я пишу для самой себя. Старуюсь оформить в слова то, что меня больше всего волнует или наоборот раздражает — все то, что накипело в душе.

Находятся люди, которые мыслят так же, как и я, мыслят, а выразить словами не могут, они ищут в книгах ответ на наиболее важные вопросы, ищут подходящие формулировки для своих чувств, ощущений, эмоций. Для этого им нужны мои рассказы.

— **То есть, вы, как доктор-психоаналитик... Вы всерьез считаете, что ваши рассказы могут оказать кому-то реальную помощь?**

— Скажите, как часто оказывает практическую помощь психоаналитик? Он что, может купить квартиру, чтобы избавить вас от соседства с тем, с кем вы жить не хотите? Или вернет любимого? Найдет для вас работу? Мы, порой чаще нуждаемся не в конкретной помощи, а в верной формулировке. То же самое и в литературе: читатель ищет формулировки, которые отвечают его душевным потребностям. И когда находит их у какого-то автора, именно этот автор становится своим.

— **То, что вы уже успели стать для кого-то именно таким автором, мне доподлинно известно. А у вас есть «свои» авторы?**

— Конечно. Я выросла на немецкой литературе — сказки Гофмана, рано прочитала и поняла Гёте. Потом — Булгаков, Довлатов, Маркес, Гари, Хармс.

— **Что из Хармса вы считаете «своим»?**

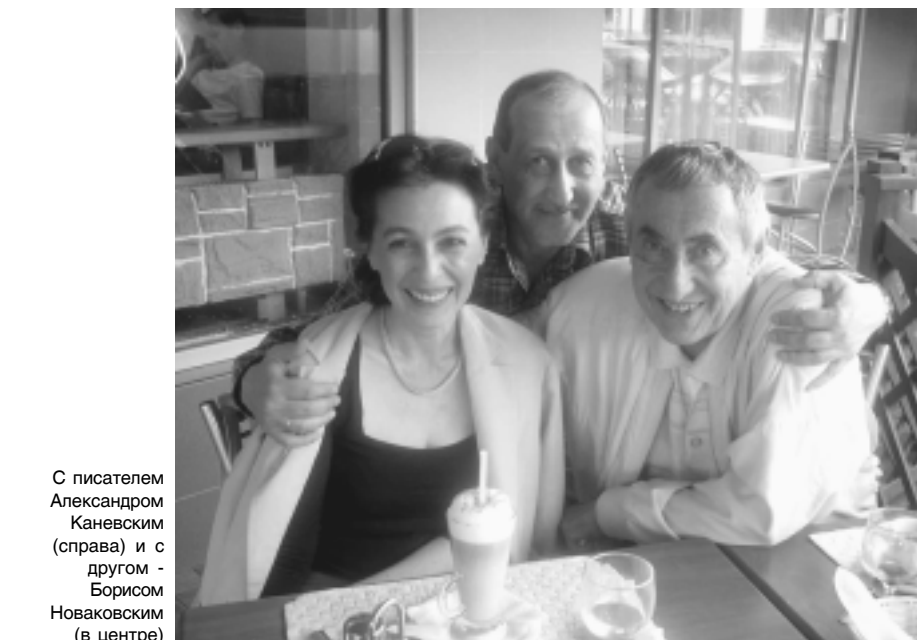
— У него трагическая клоунада. То, что бессловесно делает Вячеслав Полунин на сцене. А у Хармса — трагическая клоунада слов.

— **Часто ваши персонажи кажутся на грани безумия...**

— У каждого нормального человека в жизни бывают ситуации, когда он может оказаться на грани нервного срыва. Я пишу не о самих безумцах, а о ситуациях, которые в состоянии довести нас до безумия. Это может быть бытовой конфликт, могут быть отголоски прежней боли, от которой человек не смог вовремя избавиться, это могут быть сны, страхи, комплексы, старые долги, которые мы не в состоянии отдать. Это не материальные долги, я имею в виду чувство вины, с которым

мы остаемся жить, например, после развода. В рассказе «Вчерашний день» героиня испытывает чувство вины по отношению к бывшему мужу. В результате её чувство вины трансформи-

руется в нервный срыв у нового мужа. Ситуация, кстати, весьма стандартная и часто встречающаяся. В «Земном притяжении» мой герой сходит с ума сначала от любви, а потом остаётся отцом-одиночкой. Что может быть страшнее для современного мужчины?!

С писателем Александром Каневским (справа) и с другом - Борисом Новаковским (в центре)

руется в нервный срыв у нового мужа. Ситуация, кстати, весьма стандартная и часто встречающаяся. В «Земном притяжении» мой герой сходит с ума сначала от любви, а потом остаётся отцом-одиночкой. Что может быть страшнее для современного мужчины?!

У большинства из нас жива какая-то боль в душе или тайный страх, или даже фобия. И в силу стереотипов мы боимся признаться самим себе — чего именно мы боимся, что нас мучит, что мешает и не дает спать. Люди с подвижной психикой, восприимчивые, тонко чувствующие люди — это мои герои. Я немного утрирую, усиливаю воздействие этих страхов, иногда даже одушевляю страхи или ночные кошмары, но это скорее художественный приём, а не желание представить своего героя безумным.

— **Состояние творческого процесса — это ваше постоянное состояние? Или оно преходящее?**

— Если в творческом процессе находиться постоянно, это уже пограничное состояние, психическое расстрой-

ный человек, либо штрих, деталь какая-то, или ситуация. Все, что меня зацепило, остаётся в памяти, и если долго не даёт покоя, то значит необходимо это выплеснуть на бумагу, построить сюжет, поймать нужный вариант финала.

— **Какая вы в быту? С вами легко ужиться?**

— Совершенно правильно... Вот именно, что ужиться, но не жить. Когда из меня «идёт» рассказ, когда я ломаю голову над тем, чем это всё может закончиться для моих героев, то становлюсь бесноватой. Могу не услышать того, что мне говорят или ответить невпопад, перестаю отвечать на телефонные звонки, могу пройти мимо своего дома, а потом стоять и в растерянности озираться по сторонам, будучи не в силах сообразить, в какую сторону мне надо идти. Заметив, что я впала в неадекватное состояние, мой муж немедленно покупает мне путёвку, куда-нибудь подальше — на Северный полюс, — лишь бы оставить меня один на один с моей фантазией.

И я уезжаю, неважно куда — в деревню или за границу — это не имеет значения. Главное, досидеть там до такого состояния, что начинаешь шараться от собственного одиночества. Полностью опустошённой, выбросив из себя весь мусор реальности, я возвращаюсь домой любящей женой и нежной матерью, чтобы безо всяких проблем, под гвалт детей и лай собаки, построить и записать новый рассказ.

К счастью для моих домашних в подобном состоянии я бываю не очень регулярно и не слишком часто. И тогда, в моем обычном состоянии, надеюсь, что я не самая плохая жена и не самая безалаберная мать.

— **Принято прозу делить на женскую и мужскую. Что вы скажете на это?**

— Американцы считают, что литература всё-таки различается по половым признакам. В Европе проще, женская проза — это все то, что написано женщиной. Мужская — мужчиной.

с тонким юмором шепчется с читательницами о женских проблемах. Эту нишу больше не смог занять никто, я имею в виду тех, кого можно назвать писателем или писательницей. Говорить о женской прозе в нашем понимании, имея в виду женскую фамилию на обложке, не приходится. Так как ни Татьяна Толстая, ни Людмила Улицкая, ни Дина Рубина, ни — тем более Людмила Петрушевская — это никак не женская проза. Это проза. Совсем не по-женски и не для женщин писала Наташа Медведева. И кто автор в данном случае — женщина или мужчина, уже не так уж и важно. Наверное, настоящую литературу можно назвать бисексуальной, так как она понятна и тем и другим.

— **Анна, я знаю, что вы помогли написать книги весьма известным мужчинам — Винокуру и Шиловскому. Интересно было работать с ними? Какие они в жизни?**

— И Винокур, и Шиловский для

радой чего стоит! Когда я писала о нем книгу «Уно моменто», столько проходило разных курьезов и смешных ситуаций... Помню, поехали мы вместе с ним зубы лечить. Я и не подозревала, что Семен Львович панически боится зубного кабинета. Он сбежал. Я знаю, что в итоге ему зубы вылечили под общим наркозом. В жизни этот человек очень скромен, он не любит, когда его называют звездой, хоть он и есть самая настоящая звезда советского экрана.

— **Работая с актерами, и видя их жизнь изнутри, о ком из них вы бы еще написали?**

— На съемках фильма «История одной бильярдной команды» я работала ассистентом по актерам. Эту картину в 1985 году снял чилийский режиссер Себастьян Аларкон. Съемки проходили в Коктебеле. В картине были задействованы изумительные актеры: Семен Фарада, Нина Мамиконовна Тер-Осипян, Юрий Николаевич Катин-Ярцев, Серёжа Шкалик, Мария Ростиславовна Капнист. К сожалению, их почти уже никого нет с нами. Пожалуй, о Капнист я бы стала писать. Мария Ростиславовна была исключительная личность, графиня, внучка Василия Капниста¹. Она 20 лет провела в лагерях, куда ее отправили молодой красавицей, а вышла из лагерей Мария Ростиславовна помешанной старухой. У нее был страшно кривой нос, благодаря которому ее снимали либо в роли ведьмы, либо сумасшедшей. В лагере за крутой нрав, ее лицом вниз, ухватив за ноги, стащили по ступенькам. Мария Ростиславовна была трудна в общении, но если удавалось включиться в ее непрерывающиеся бормотания, то становилось понятно — вспоминает лагерь. Она видела там лучших людей России, утверждала, что встречалась на пересылке с Мандельштамом, диктовала его номер по памяти, чтобы кто-нибудь попытался идентифицировать — он ли это действительно был.

Мария Ростиславовна — человек израненный, неадекватный, и на съемках ко мне прибилась, как ребенок.

На презентации книги с Владимиром Вишневым

В России понятие «женская проза» — это «проза-подружка», но ассоциируется она с потоком пошлого чтива. Настоящая женская проза у Викторнии Токаревой. Пока она единственная, кто

меня теперь родные люди. За время работы мы сдружились. Я бы сказала, что в жизни они обычные, веселые, и ничто человеческое им не чуждо. Мне всегда очень интересно встретиться с ними и поговорить. Мне вообще посчастливилось встретиться со многими известными людьми. Только работа с Фа-

¹ Василий Капнист (1758-1823 г.г. — русский поэт, драматург — прим. Е.Дж.

² В.М.Татосов, актер — прим. Е.Дж.

Только Татосов² и я уделяли ей внимание, остальные старались ее избегать, она была утомительной. Как-то она бормотала про какую-то Маньку-суку, которая мешала ей приблизиться к какому-то Маське. Сначала это казалось сплошным бредом. Но как-то Капнист в конце съемок подошла ко мне и попросила проводить ее на могилу Волошина. Мы пошли втроем — Татосов, Капнист и я. После тяжелых съемок на жаре, мы шли вдоль пляжа около часа, потом поднимались в гору 3 километра. Татосов обмахивался панамкой и отдувался, я — буквально на карачках карабкалась вверх, а Капнист — на каблучках, с прямой спиной и впереди нас. На горе все прояснилось. С криком: О, Маська! Как же я тебя любила! — она бросилась на могилу Волошина. А потом показала нам фотографию — юная Марина Цветаева (Манька-сука), Максимилиан Волошин (Маська) и Мария Капнист, сидят на берегу моря в Коктебеле. Такая была история.

— А какая еще история из периода вашей работы на «Мосфильме» вам особенно запомнилась?

— В конце 80-х годов на киностудии Мосфильм существовала квота для кинорежиссеров из союзных республик. Работать на кинокартинах «союзного значения» никто не хотел, платили мало, фильм снимался не полгода, как обычно, а тянулся до полутора, а то до двух лет, к тому же союзные режиссеры часто плохо понимали по-русски... Добровольцев не было. Назначение в «союзную» группу шло приказом от генерального директора. Отдав такой приказ, гендиректор студии уходил в подполье на пару недель, пока страсти не улягутся, так как у сотрудников сразу же начинали пачками умирать родственники, обострялись хронические болезни — люди находили любые причины, лишь бы соскочить с такой картины.

Попалась и я. Картина называлась «Оглашению не подлежит», снимал ее таджикский кинорежиссер Хасан Ба-

каев. Была она про Буденного.

На роль Буденного Бакаев самолично утвердил Вадима Спиридонова. Вадим отказаться не мог, он был штатным актером Мосфильма, тоже по приказу. Но матерился страшно.

И вот первый съемочный день. Бакаев начал со сложных сцен с массовой. Массовки — тьма, это простой народ, который ждет, что им скажет Буденный. Спиридонову прилепили усы, все равно похож не стал. Забрался он на телегу.

А.Евсеева с сыном Родионом

Бакаев дает заветную команду «мотор!» Все с облегчением вздохнули, так как для режиссера — самое трудное — это первый «мотор» крикнуть. А у нас режиссер особенный, мог вообще так никогда и не решиться. И вдруг все так гладко пошло.

И тут оператор кричит: «Стоп! У меня Ленин в кадре!»

Немая сцена. Какой Ленин, откуда Ленин? В сценарии Ленина не было. Смотрим в массовку, народ безмолвствует. Никто Ленина не видел.

Бакаев опять: «Мотор!»

Спиридонов на телегу запрыгивает, массовка шапками машет. Оператор опять: «Стоп! У меня Ленин в кадре!»

Тишина зловещая. Бакаев зверем смотрит. Я говорю: «Хасан Шарифович, говорили вам накануне первого

съемочного дня водку не пить!»

Бакаев отвечает: «Пил не я, оператор пил!»

А оператор божится, что в кадре мелькнул Ленин, в кепке и с майским красным бантиком на пиджаке.

Снова: «Мотор!»

Оператор выключает камеру, садится внизу:

«Ребята, я ничего не могу поделать. У меня Ленин в кадре».

Прибежала костюмерша с бумажками, плачет: «Костюма Ленину не выдавала, кепку никто не брал, а про бантик вообще впервые слышит». Слезы пошли. Бакаев выговорами грозит. Осветители от смеха корчатся.

Бакаев оператору говорит: «Ну, попробуй еще, может, исчезнет»

Опять команда: «Мотор!»

Оператор: «Стоп! Ленин в кадре!»

Уже никому не до смеха. И вдруг Спиридонов с телеги орет: «Да вон он, Ленин, за краном прячется».

Прибегает бригадир массовки, хватает мегафон и на весь Таганский район столицы, где шла съемка, орет:

«Ленин... ля! Пошел на х... отсюда! Поймаю, уши оторву! Слышишь меня, урод!»

Наконец выловили «Ленна». Это был городекой сумасшедший, имени-фамилии своих не знал, документов у него не было. Когда его спрашивали, так и отвечал: «Ульянов Владимир Ильич. Партийная кличка — Ленин»

Он часто снимался в кино, дублировал артистов, которые играли Ленина. После Перестройки «работал Лениным» на Старом Арбате, фотографировался с туристами. Позже в кинокартине «Город Зеро» Карена Шахназарова мы его снимали в роли музейного экспоната.

Он всегда ходил в кепочке, с красным первомайским бантиком на пиджаке.

А спустя несколько лет в газете я прочитала, что умер известный московский божж Владимир Ильич Ленин. ♦